

А. М. Коротков – выдающийся советский разведчик

К 50-летию со дня смерти

*Воспоминания ветерана СВР,
служившего много лет в аппарате КГБ СССР в Берлине*

Иван Кузьмин

27 июня 1961 г. во время командировки в Москву в возрасте 53 лет в расцвете физических и творческих сил скоропостижно скончался генерал-майор Александр Михайлович Коротков, в то время руководитель берлинского аппарата КГБ СССР (Инспекции по вопросам безопасности при верховном комиссаре по Германии).

Без всякого преувеличения можно утверждать, что Александр Михайлович являлся центральной фигурой во внешней разведке нашей страны. Он добился выдающихся результатов на каждом участке, которым руководил, и на долгие годы определил процесс развития службы.

Работая в фашистской Германии в канун ее нападения на Советский Союз, он был разведчиком номер один, который обладал полной и разносторонней информацией о подготовке гитлеровской агрессии против нашей страны. Созданная им в Германии разведывательная структура решала важные задачи в первый год Великой Отечественной войны.

КУЗЬМИН Иван Николаевич – профессор, полковник в отставке, ветеран Службы внешней разведки. E-mail: urme152@yandex.ru

Ключевые слова: А. М. Коротков, СВР, «Красная капелла», Э. Мильке, М. Вольф, ГДР.

В 1940–1941 гг., являясь заместителем руководителя «легальной» резидентуры НКВД в Берлине, Коротков был куратором «Красной капеллы»* и восстановил связь с другими советскими агентами, в том числе с уникальным источником информации Брайтенбахом, Вили Леманом. Имел право прямого доклада информации наркому Берии, минуя резидента Амаяка Кобулова и посла Владимира Деканозова, который также был руководящим сотрудником НКВД.

20 марта 1941 г. Коротков направил лично наркому Берии аналитическую записку, в которой обобщил информацию источников «Красной капеллы» о подготовке гитлеровской Германии к внезапному нападению на Советский Союз. Берия не рискнул доложить эту информацию «хозяину». В апреле, мае и июне берлинская резидентура продолжала сообщать о военных приготовлениях гитлеровцев. Сталин и Берия упорно отвергали эту информацию.

12 июня в Центр была направлена телеграмма Старшины и Корсиканца, в которой говорилось: «В руководстве министерства авиации считают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Удара можно ожидать в любой момент». Реакции на это сообщение не последовало. 17 июня Сталину была доложена информация Старшины и Корсиканца, где говорилось, что все приготовления к немедленному нападению на СССР завершены. На сопроводительном письме к этому сообщению вождь начертил резолюцию с нецензурной бранью в адрес

источников информации, потребовав проверить эти сведения.

Наконец, 19 июня 1941 г. Брайтенбах сообщил, что наступление немецко-фашистских войск начнется в воскресенье 22 июня 1941 г. в три часа утра по всей протяженности западной границы СССР. Докладывая эту телеграмму Сталину, Берия предложил отозвать из Берлина и наказать посла Деканозова, который игнорирует указание вождя о том, что в 1941 г. германская агрессия исключена, то есть советское руководство не воспринимало достоверную информацию, добытую в Германии тяжелым и опасным трудом десятков оперработников и агентов, а позднее упорно заявляло, что гитлеровское нападение на Советский Союз было внезапным.

Уже после начала войны удалось подкупить оберштурмфюрера СС, начальника охраны советского посольства. Благодаря этому Коротков дважды скрытно выезжал в город из заблокированного служебного здания. 24 июня он передал человеку из «Красной капеллы» большую сумму денег, второй радиопередатчик и инструкции по радиосвязи.

После возвращения в Москву Коротков был назначен начальником первого отдела НКВД/НКГБ (разведка в Германии и на оккупированных территориях).

Между тем радиосвязь с агентурой в Германии сразу же стала проблемой. Переданная в Берлин советская радиоаппаратура имела ограниченную дальность действия (примерно в радиусе до Бреста). Решение

* «Красная капелла» – подпольная организация антифашистов в гитлеровской Германии, которая насчитывала свыше 200 членов. В ее составе А. М. Коротков сформировал три агентурные группы: Корсиканца (Харнака), Старшины (Шульце-Бойзена) и Старика (Кукхофа). В первой половине 1941 г. от Корсиканца и Старшины в Центр поступило около 100 сообщений о подготовке гитлеровской агрессии.

этой проблемы в сложной военной обстановке потребовало много времени. Только в ноябре 1941 г. разведка НКВД договорилась с разведуправлением генерального штаба Красной армии, что Кент (Гуревич), их резидент в Брюсселе, установит связь со Старшиной, наладит получение от него информации и ее передачу по своей рации в Москву. В начале ноября 1941 г. Кент совершил успешную поездку в Берлин, где несколько раз встретился со Старшиной и получил от него важную информацию.

Для передачи этой информации в Центр потребовалось значительное число сеансов радиосвязи.

Было сообщено, в частности, что немцы спешно перебрасывают под Москву воздушно-десантную дивизию с захваченного ими о. Крит в Средиземном море. Сообщалось, что на Ленинградском фронте не планируется наступательных действий, а город будет взят в результате его блокады. На весеннюю кампанию 1942 г. гитлеровцы планируют наступление в направлении Сталинграда, а главное – мощный удар на юг для овладения нефтяными месторождениями в районе Майкопа. Отмечалось, что германское командование утратило уверенность в скорой победе и опасается увеличения помощи Советскому Союзу со стороны Англии и США.

Приводились также сведения, что немцы захватили советский дипломатический шифр в Финляндии, а также частично контролируют закрытую связь между Англией и США. Старшина сообщал, что его группа расширилась и готова продолжать работу.

Эта информация была доложена Государственному Комитету Обороны во главе со Сталиным.

Радиостанция Кента находилась в одном из домов на окраине Брюсселя.

Ее интенсивная работа в октябре 1941 г. привлекла к себе внимание службы радиоперехвата немцев, и за домом было установлено постоянное наблюдение. В самом конце года немцы произвели арест персонала, обслуживавшего радиостанцию. Были арестованы три человека: помощник Кента, радист и шифровальщица. Во время обыска был обнаружен обгоревший лист бумаги с адресами Старшины и Корсиканца. Позднее немецкие криптографы смогли расшифровать фамилии и адреса еще нескольких членов «Красной капеллы». Кенту удалось бежать в Южную Францию.

После провала резидентуры Кента Центр предпринял несколько попыток восстановить связь с людьми из «Красной капеллы», однако все они остались безуспешными по разным причинам. Наконец к началу августа 1942 г. А. М. Коротковым была подготовлена пара агентов – Бек и Франц, для направления в Берлин. Они были сброшены с парашютами под Брянск, где партизаны определили их в немецкий железнодорожный эшелон, следовавший в столицу Германии.

Поездка обоих агентов прошла без происшествий, однако выполнить свое задание в Берлине они не смогли. Бек числился пропавшим без вести и был объявлен в розыск. Он был задержан при посещении в больнице своей сестры. Франк имел адреса Старшины и трех других членов «Красной капеллы». Эти адреса были расшифрованы в радиограммах резидентуры Кента, и за ними гестапо вело постоянное наблюдение. Франк попал в поле зрения гестапо и был арестован.

Сразу после этого последовала волна форсированных арестов членов «Красной капеллы». В ноябре-декабре 1942 г. были арестованы 300 человек в Берлине и 60 в Гамбурге. По распоря-

жению Гитлера расследование этих дел велось в условиях наивысшей секретности. Арестованные подвергались жесточайшим пыткам, чудовищным даже по меркам гестапо.

С декабря 1942 г. по август 1943 г. был казнен через повешение 31 мужчина, а 18 женщин обезглавлены на гильотине, семь человек покончили с собой во время следствия, семь были отправлены в концлагеря, 25 на каторгу, пять приговорены к тюремному заключению и восемь отправлены на фронт.

В сохранившихся письмах к родственникам эти люди писали о любви к жизни, своим близким, родине, об уверенности в правоте дела, которому служили, выражали надежду, что о них будут помнить.

С мая 1945 г. по январь 1946 г. полковник Коротков находился в Берлине в качестве резидента объединенной резидентуры советской внешней разведки в Германии и как заместитель политического советника при Главноначальствующем СВАГ Г. К. Жукове. 9 мая 1945 г. он доставил в Берлин-Карлсхорст генерал-фельдмаршала Кейтеля для подписания акта безоговорочной капитуляции Германии.

В марте 1946 г. в рамках внешней разведки было создано управление «С», управление нелегальной разведки. Его первым начальником был назначен полковник А. М. Коротков. Это назначение не было случайным, поскольку в 1933–1934 и в 1937–1938 гг. Александр Михайлович сам находился на нелегальной работе во Франции.

Создание самостоятельного управления нелегальной разведки было продиктовано радикальным изменением обстановки и условий работы в ведущих странах мира. Существенно изменился погранично-таможенный режим. Более строгими стали условия учета и регистрации иностранцев. Усо-

вершенствовались методы контрразведывательной работы. Возникли новые сферы жизни, где осуществляется учет и постоянное наблюдение за клиентами (например, в сфере здравоохранения и страхования жизни и имущества, в общественных организациях). Жизнь гражданина стала более транспарентной.

К этому следует добавить, что в 1946 г. в корне изменилась международная обстановка. Западные державы начали против Советского Союза холодную войну, которая с каждым месяцем набирала силу.

Все эти и иные многочисленные обстоятельства потребовали коренных изменений в учебной подготовке будущих нелегалов, их экипировке, обеспечении документами, подтверждающими достоверность легендируемых биографических данных, и проч. Языковая подготовка и закрепление легенды биографии требовали много времени и нередко длились по несколько лет.

Короткову приходилось иметь дело с разведчиками-нелегалами нескольких поколений. Некоторые из них имели совершенно невероятные биографии, например И. Р. Григулевич и Р. И. Абель. В то же время под его руководством были подготовлены и работали в качестве нелегалов десятки молодых людей, таких как К. Т. Молодой.

Лично мне посчастливилось быть знакомым с выдающимися нелегалами В. М. Зарубиным, И. Р. Григулевичем и Р. И. Абелем и беседовать с ними. Я работал в одном коллективе с А. А. Акоюном (Ефратом) и в разное время работал вместе с рядом сотрудников, которые находились на нелегальной работе под руководством А. М. Короткова. Для всех них Александр Михайлович являлся высочайшим авторитетом.

А. М. Коротков возглавлял спецуправление в течение 11 лет и создал коллектив подлин-

ных энтузиастов, коллектив работников высочайшего класса. Среди них его заместители генерал-майор В. Я. Барышников и полковник Н. А. Корзников, начальник отдела документации П. Г. Громушкин, начальник отдела безопасности Б. А. Соловов, полковники В. И. Кирюхин, А. А. Корешков, Б. Я. Наливайко.

В марте 1957 г. генерал-майор А. М. Коротков был назначен руководителем берлинского аппарата КГБ СССР (Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре по Германии). Инспекция была весьма солидным учреждением: по своей структуре она напоминала центральный аппарат внешней разведки в Москве.

Как опытный и талантливый руководитель, Коротков сумел безошибочно определить узкие места в работе и оценить качества подчиненных. Он сразу же произвел замену пятерых начальников отделов, назначив на эти должности более опытных и квалифицированных сотрудников.

Коротков провел ряд существенных структурных преобразований в аппарате, в числе которых необходимо назвать создание полноценного информационного подразделения с четкими задачами. В то время это имело первостепенное значение, поскольку как раз тогда в полной мере развернула свою работу внешняя разведка немецких друзей, главное управление «А» во главе с генералом Маркусом Вольфом. А. М. Коротков самым непосредственным образом участвовал в организации этой работы, и – что было немаловажно, – способствовал нормализации отношений между министром Э. Мильке и его заместителем М. Вольфом, которые изначально были конфронтационными. Он в деталях наладил наиболее приемлемый для нас порядок обмена разведывательной информацией с немецкими друзьями, ко-

торый сохранился на протяжении последующих трех десятилетий.

Под руководством Короткова сотрудниками аппарата КГБ СССР в Берлине было осуществлено несколько крупных разведывательных акций: вербовка под чужим флагом ряда ценных агентов, приобретение надежной агентуры в боннских министерствах, в федеральной разведывательной службе и других учреждениях, в политических партиях ФРГ и Западного Берлина, в бундесвере и в войсках трех западных держав.

Специфика работы А. М. Короткова в Берлине заключалась в ее многоплановости. Она осуществлялась по целому ряду самостоятельных направлений, которые подчас совершенно не стыковались друг с другом:

- разведывательная и контрразведывательная работа против основных стран Запада;
- контрразведывательное обеспечение многотысячной советской колонии в Восточной Германии;
- научно-техническая разведка;
- разносторонняя и широкомасштабная деятельность по линии нелегальной разведки;
- работа против антисоветской эмиграции на Западе;
- радиоперехват и прослушивание телефонных переговоров в ФРГ и Западном Берлине;
- мероприятия по локализации угрозы ракетно-ядерного нападения со стороны противника;
- обеспечение безопасности добычи урановой руды советско-германским акционерным обществом «Висмут».

Работу по каждому из этих направлений обеспечивало самостоятельное подразделение (отдел).

Понятно, что такая совокупность масштабных и сложных задач требовала значительных сил и средств. И аппарат КГБ СССР в ГДР в те годы располагал такими силами и средствами.

Одной из наиболее важных и ответственных сторон деятельности А. М. Короткова в Берлине было выполнение функций главного советника при руководстве МГБ ГДР, в том числе при министре Э. Мильке.

Особенно продуктивным было участие генерала Короткова в развертывании разведки ГДР, главного управления «А», которое тогда переживало период своего становления. Именно в те годы начал стабильно работать ряд ценнейших источников немецких друзей в ведомстве федерального канцлера, в федеральном совете обороны, в руководстве главных политических партий ФРГ, в бундестаге, в органах НАТО и Европейского союза.

На службу в КГБ СССР я был принят в 1955 г. и осенью того же года направлен в командировку в Берлин. Перед этим шесть лет служил в ГРУ Генерального штаба Советской армии — два года в командировке в Берлине и четыре года в информационном управлении ГРУ на должности старшего референта; ведал вопросами ремилитаризации Западной Германии. Осенью 1953 г. попал под «девятый вал» хрущевского сокращения Советской армии, был уволен из ГРУ и два года преподавал военный перевод в Военном институте иностранных языков.

В берлинском аппарате КГБ я в течение года руководил курсами немецкого языка, а потом два года служил в оперативном отделе по линии спецуправления.

Первое мое знакомство с А. М. Коротковым состоялось в конце 1958 г. Я только что возвратился из командировки в один из округов ГДР, когда мне позвонил дежурный и сообщил, что меня срочно вызывает генерал Коротков. Для меня этот вызов был совершенно неожиданным. Неожиданным было и начало беседы.

Александр Михайлович без какого-либо вступления спросил меня: как я оцениваю роль информационной

службы в разведке? Я, естественно, ответил, что эта служба имеет первостепенное значение. Генерал сказал, что я правильно понимаю положение вещей и мне теперь там и служить. Затем он стал расспрашивать меня, какие вопросы входили в мою компетенцию во время работы в информационном управлении ГРУ.

Через месяц беседа с Коротковым повторилась, однако начальство моего отдела убедило его оставить меня на прежнем месте работы. Вопрос остается открытым, подвел итог генерал.

В начале 1959 г. Коротков вновь вызвал меня к себе и сказал, что открытый вопрос пора закрыть и он окончательно решил перевести меня на информационную работу. После этого велел дежурному пригласить к себе группу из пяти информационных работников, которая существовала в аппарате, и представил нам нового начальника информационного сектора подполковника Константина Павловича Тихвинского, который до этого был помощником первого заместителя председателя КГБ СССР. Константин Павлович не владел немецким языком, но обладал несомненным даром аналитика и был первоклассным редактором.

Вскоре сектор пополнился несколькими выпускниками МГИМО и сотрудниками из информационной службы Центра; вместе с бюро перевода его численность превысила 20 чел. Было создано полноценное информационное подразделение, способное обрабатывать не только материалы аппарата КГБ, но также и информацию разведки МГБ ГДР.

Через пару месяцев работы в информационном секторе я получил ответственное личное поручение от Короткова. Мне необходимо было перевести на немецкий язык солидный

аналитический документ объемом более 50 страниц, содержащий оценку положения в Европе и прогноз ее развития на среднесрочную перспективу. Позднее я пришел к заключению, что документ был составлен по материалам «кембриджской пятерки». Александр Михайлович пояснил, что он будет докладывать лично руководителю ГДР Вальтеру Ульбрихту и предупредил о чрезвычайно высокой степени его секретности.

Когда я закончил перевод документа, Александр Михайлович передал его для редактирования Вадиму Витольдовичу Кучину, который владел немецким языком как родным. Кучин внес пару исправлений, и я посчитал, что на этом дело закончилось. Однако Коротков в моем присутствии скрупулезно сопоставил тексты документа и перевода. Я не видел в этом смысла, поскольку явно недооценивал языковые знания самого Короткова. Мне приходилось присутствовать при его беседах с немцами по телефону, и я, как довольно опытный преподаватель, невольно фиксировал мелкие ошибки и неточности, которые он допускал. Поэтому для меня было совершенно неожиданно, когда он, прочитав один из разделов, сказал: «А вот так будет мягче», и предложил по ходу изложения использовать довольно редкую форму сослагательного наклонения.

Доклад В. Ульбрихту прошел успешно. Вскоре после этого события я был назначен заместителем начальника информационного сектора. Одновременно А. М. Коротков договорился с руководством МГБ ГДР об аккредитации меня в качестве офицера связи при информационном отделе в главном управлении «А».

Основной моей задачей было наладить бесперебойный обмен информацией с главным управлением «А», а так-

же строжайший учет и регистрацию документов. Генерал жестко контролировал выполнение этой задачи. Одно время он требовал также, чтобы я обеспечивал перевод на немецкий язык наиболее важных документов, поступавших из Москвы для передачи друзьям.

Следует сказать, что мои обязанности не ограничивались только вопросами информационной работы. Коротков включил меня в свой «актив».

В этой связи уместно дать пояснения. Александр Михайлович имел обыкновение выделять в составе коллектива отдельных сотрудников, независимо от их должностного положения, которым он напрямую давал личные поручения, подчас выходившие за рамки их обычных служебных задач.

В моем случае это были, в частности, поручения присутствовать на пресс-конференциях руководителей ГДР и готовить для Центра отчеты о таких пресс-конференциях. Мне давались также поручения готовить для Центра отчеты о нескольких крупных совещаниях в МГБ ГДР. Помимо этого мне нередко приходилось сопровождать Короткова на его переговорах с руководителями МГБ и протоколировать эти переговоры.

Наряду с этим Коротков привлекал меня к обсуждению и решению конкретных вопросов, появившихся в то время в повестке дня из-за организации в нашем аппарате и в МГБ ГДР нового направления работы – службы по проведению активных мероприятий.

Таким образом, я активно общался с генералом Коротковым на протяжении довольно продолжительного времени и составил себе отчетливое представление о нем как о человеке и руководителе.

Суммируя свои впечатления о нем, я должен сказать, что Александр Михайлович по своим качествам был вы-

дающей личностью. И в этом нет никакого преувеличения. Он обладал огромной эрудицией, сочетавшейся со знанием дела в мельчайших деталях. Его отличали быстрая реакция и способность без промедления принимать нужное решение. Некоторые его решения выглядели немотивированными, но в итоге оказывались оптимальными.

Для Короткова были характерными решительность и целеустремленность. Обычно он занимал четкую, ясную позицию. В то же время не навязывал свою точку зрения и с готовностью выслушивал мнение оппонентов, учитывая его, если оно было убедительным. Александр Михайлович был тонким психологом и сразу мог определить намерения своего собеседника. Он умел сконцентрировать внимание собеседника в нужном направлении и не уступал инициативу по ходу всей беседы.

В общении Александр Михайлович подчас бывал резок, нетерпим к любым проявлениям нечестности, сурово критиковал начальников, которые пытались объяснить свои допущенные просчеты и неудачи ошибками подчиненных. В отношениях со своим близким окружением был внимателен и заботлив.

Отдельно следует сказать об отношении генерала Короткова к молодым сотрудникам. Он чрезвычайно внимательно относился к молодежи и был способен реально оценить возможности почти каждого молодого работника. Немало из них входило в его «актив», о котором я упоминал выше.

Мне в целом ряде случаев приходилось присутствовать при встречах генерала Короткова с министром Э. Мильке, и я хотел бы сказать несколько слов об отношениях между ними.

Эрих Мильке и А. М. Коротков обращались друг к другу на ты. Между

ними существовали равные товарищеские отношения. Чувствовалось, что они испытывают взаимную симпатию, подчас могли позволить себе подначивать друг друга. Они были почти ровесниками, однако при общении с Коротковым министр, несмотря на свой властный характер, постоянно выступал в роли младшего партнера и неизменно проявлял готовность идти на уступки.

Судя по документальным данным, приводимым биографом Мильке Вильфридой Отто, генерал Е. П. Питовранов, возглавлявший берлинский аппарат МВД СССР с июля 1953 г., был против назначения Мильке министром государственной безопасности. Он считал Эриха Мильке скрытным человеком, неискренним в отношениях с советской стороной. Кроме того, Питовранова настораживало отсутствие достоверных данных о деятельности Мильке во время его пребывания во Франции в первой половине 40-х годов.

Сменивший же Питовранова А. М. Коротков безоговорочно поддержал это назначение. Мильке знал об этом и чрезвычайно высоко ценил его поддержку.

Следует заметить, что Коротков был весьма непростым партнером на переговорах и подчас прибегал к нестандартным приемам их ведения.

В этой связи запомнился следующий эпизод. Я сопровождал Короткова к Мильке с тем, чтобы составить протокол беседы между ними. Коротков изложил свое видение проблемы и пути ее решения (сегодня я уже не помню, о чем шла речь).

Министр не согласился с ним и обосновал свою точку зрения. Тогда Коротков замолчал и, направляясь к выходу, стал надевать пальто и шляпу. Мильке смешался и стал уговаривать продолжить обсуждение. В итоге он отказался от своей точки зрения и полностью согласился с мнением Короткова.

Коротков хорошо знал особенности характера министра Мильке, его постоянную настороженность и готовность немедленно реагировать на подозрительные моменты. Он учитывал эти обстоятельства в своей работе с ним. Однако это не всегда обеспечивало успех.

В подтверждение этого хотелось бы привести следующий пример. В 1959 г. осложнилась обстановка в Дрездене и даже появилась угроза возникновения забастовок на его предприятиях.

В ЦК СЕПГ посчитали, что МГБ ГДР недооценило серьезность ситуации, и министру было предложено провести обсуждение на собрании партийного актива МГБ.

Коротков поручил мне посетить собрание актива и составить отчет о докладе министра и выступлениях участников. Однако он полагал, что это нужно сделать достаточно скрытно. Для этого мне надлежало появиться на собрании актива якобы в качестве переводчика одного из наших офицеров связи, полковника Н. Полковник совершенно не знал немецкого языка, и Коротков считал его настолько бестолковым, что немецкие друзья не заподозрят его в способности понять, о чем идет речь на собрании.

Собрание состоялось в большой столовой министерства, где участники разместились по несколько человек за отдельными столиками, на которых были расставлены бокалы с пивом.

Мы с полковником Н. сели за самый левый столик в первом ряду. За столом президиума кроме министра разместились члены парткома МГБ и представители ЦК партии. Мильке выступил с докладом, продолжавшимся не менее двух часов. По окончании доклада был объявлен перерыв. Прозвучала команда «Внимание!», все встали, а министр проследовал в сопровождении членов президиума к выходу. Сделав несколько шагов, он резко повернул направо, подошел к нашему столику и пожал руки полковнику Н. и мне.

Выслушав наш доклад, Коротков спросил полковника Н, какой смысл был в этом жесте министра. «Министр – воспитанный человек», – ответил полковник. «Эх ты, просто-та! – воскликнул Коротков, – ведь министр дал знать своим сотрудникам: „Внимание! Вот они здесь – согладатаи. Держите язык за зубами!“ – Министр оказался хитрее нас...»

Добрые отношения с министром Мильке отступали на задний план, когда бывали затронуты интересы советской стороны. В этих случаях Коротков занимал жесткую, бескомпромиссную позицию. В частности, так было в начале 1960 г., когда я доложил Александру Михайловичу о международной пресс-конференции члена Политбюро ЦК СЕПГ Альберта Нордена, которая имела цель доказать, что американцы непосредственно приступили к подготовке агрессии против ГДР.

В качестве доказательств были представлены топографические карты территории ГДР с обозначением посадочных площадок для высадки диверсионных групп, мест для тайного складирования оружия и проч. Карты были изъяты у сотрудников американской военной миссии связи при главкоме ГСВГ в ходе негласной операции с последующей их фальсификацией. Операция была проведена немецкими друзьями без согласования с советской стороной и могла повлечь за собой ответные меры со стороны американцев. Это стало поводом для нелицеприятного объяснения между Коротковым и Мильке.

Пресс-конференция Нордена представляла собой один из пиков взаимной разоблачительно-дезинформационной кампании, которая в тот период в существенной мере определяла отношения между Востоком и Западом.

Понятно, что в то время большое внимание при взаимодействии Мильке и Коротковым уделялось созданию и налаживанию нового направления работы – службы активных мероприятий. В аппарате КГБ была организована группа активных мероприятий, руководитель которой был одновременно назначен офицером связи при немецких друзьях. А в МГБ ГДР был соз-

дан 10-й отдел в рамках главного управления «А» и специальное подразделение, подчинявшееся первому заместителю министра Б. Беатеру. Эти подразделения сразу же развернули активную деятельность. В 1959 г. и 60-х годах при широкой поддержке восточногерманской общественности и при активном содействии советской стороны были опубликованы разоблачительные сборники документов: «Правда об Оберлендере» – о боннском министре, служившем на советско-германском фронте в карательном батальоне СС «Соловей», «Мы обвиняем» – о 800 судьях в ФРГ, скомпрометировавших себя во времена нацизма, «Глобке и уничтожение евреев» – о засилье бывших нацистов в боннском министерстве иностранных дел...

Во время пребывания в командировке в Москве 27 июня 1961 г. Александр Михайлович Коротков, который ничем не болел, внезапно скончался. Биографы Короткова не рассказывают о драматических обстоятельствах этого дня, предшествовавших его кончине, хотя в свое время об этом в кругах КГБ СССР было довольно широко известно. Лично мне об этом позднее поведал помощник начальника разведки полковник Пекельник.

Утром Александр Михайлович был принят председателем КГБ А. Н. Шелепиным. Тот был недоволен Коротковым и объявил о предстоявшем его отзыве из Берлина. Выйдя из кабинета председателя, Коротков вызвал машину и проехал на квартиру Н. С. Хрущева, где был принят Ниной Петровной Хрущевой. Оттуда по телефону «ВЧ» он позвонил Вальтеру Ульбрихту и попросил его заступничества. Ульбрихт немедленно связался с Хрущевым и высказал просьбу оставить Короткова на работе в Берлине. Хрущев согласился

и дал соответствующее указание Шелепину.

Вернувшись домой в хорошем настроении, Александр Михайлович сообщил жене, что все в порядке и нужно собираться в Берлин. Однако возвращение в Берлин не состоялось. В шесть часов вечера Коротков, следуя предварительной договоренности, встретился на теннисном корте с бывшим председателем КГБ И. А. Серовым. Через несколько минут игры он потерял сознание, случился инфаркт.

Эрих Мильке воспринял кончину А. М. Короткова как тяжкий личный удар. 29 июня он прилетел на похороны в Москву со всем составом коллегии МГБ ГДР. Проникновенную речь на русском языке у гроба произнес Маркус Вольф. Примечательно, что председатель КГБ Шелепин на похороны Короткова не пришел.

В последующие годы программа каждого визита Э. Мильке в Москву обязательно включала посещение Новодевичьего кладбища и возложение венка к могиле А. М. Короткова. Э. Мильке проявлял заботу о вдове Короткова и его дочери.

Через полтора месяца после кончины А. М. Короткова, в ночь с 12 на 13 августа, была перекрыта граница с западными секторами Берлина. Эта акция была вызвана крайним обострением ситуации с бегством жителей ГДР на Запад. За семь месяцев 1961 г. в ФРГ и Западный Берлин ушли 200 тыс. восточных немцев.

Следует полагать, что Коротков и Мильке предметно обсуждали планы перекрытия границы, но в моем присутствии эта тема не затрагивалась. Правда, я участвовал в обсуждении Мильке и Коротковым концепции «Книги фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран», которая, очевидно,

должна была обосновать перекрытие границы. Книга вышла летом 1962 г.

Следует подчеркнуть, что акция по перекрытию границы, в подготовке и осуществлении которой участвовали десятки тысяч человек, явилась полной неожиданностью для Запада.

В качестве пояснения к некоторым своим утверждениям приведу пару конкретных примеров.

Т. Гладков в своей книге «Король нелегалов» описал беседу Короткова с оперработником, который, пьяный на автомашине со спущенным колесом, сумел оторваться от преследования двух немецких полицейских на мотоциклах. Автор полагает, что беседа имела стандартный характер, то есть генерал устроил солидную головомойку провинившемуся офицеру и отпустил его с миром. На самом же деле Александр Михайлович сказал всего несколь-

ко слов: «Послушай, ведь ты – солидный человек! Веди себя осторожнее!» «Солидный человек» был старшим лейтенантом, совсем молодым парнем, и эти слова глубоко потрясли его больше, чем самое суровое наказание.

Другой пример... Коротков обнаружил при чтении перевода большого документа ошибки в одном из его разделов. Он вызвал заместителя начальника информсектора, который отвечал за перевод. Тот утверждал, что ошибки допустил один из его подчиненных. В конечном счете, однако, выяснилось, что данный раздел переводил сам заместитель. Несколько дней спустя Коротков откомандировал его в Москву.

В заключение хочу сказать, что Александр Михайлович Коротков был необыкновенно светлым человеком. Каждое общение с ним надолго оставляло заряд оптимизма и подъема.